

Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода — эпизод 14 из 19

Тысячи падали, но первые ряды казались целы и невредимы: каждый пылал ревностью заступить место убитого, и безжалостно попирал ногою труп своего брата, чтобы только отмстить смерть его. Воины Иоанновы стояли твердынею непоколебимою, новгородские стремились на них, как бурные волны. Одни сражались за честь, другие за честь и вольность: мы шли вперед!.. за полководцем нашим, который искал взором Иоанна. Князь московский был окружен знаменитыми витязями; Мирослав рассек сию крепкую ограду поднял руку и медлил. Сильный оруженосец Иоаннов ударил его мечом в главу, и шлем распался на части: он хотел повторить удар, но сам Иоанн закрыл Мирослава щитом своим. Опасность вождя удвоила наши силы и скоро главная дружина московская замешалась. Новгородцы воскликнули победу, но в то же мгновение имя Иоанново гремело за нами... Мы с удивлением обратили взор: князь Холмский с тылу разил левое крыло новгородское... Дмитрий изменил согражданам!.. Не исполнил повелений вождя, завел стражу в непроходимые блат, не встретил врага и дал ему время окружить наше войско. Мирослав спешил ободрить изумленных шелонцев: он помог им только умереть великодушнее! Герой сражался без шлема, но всякий усердный воин новгородский служил ему щитом. Он увидел Дмитрия среди московской дружины последним ударом наказал изменника и пал от руки Холмского, но, падая на берегу Шелоны, бросил меч свой в быстрые воды ее...

Тут ослабел голос Михаила, взор помрачился облаком, бледные уста онемели, меч выпал из руки его, он затрепетал взглянул на образ Вадимов и закрыл навеки глаза свои... Чиновники положили тело его на колесницу, рядом с Мирославовым.

Народ! сказал Александр Знаменитый, старший из витязей, благослови память Михаила! Он вышел из битвы с хоругвию отечества, с телом Мирослава, обогранный кровию бесчисленных врагов и собственною; собрал остатки храбрых людей житых, дружины великодушных и в самом бедствии казался грозным Иоанну враги видели нас еще не мертвых и стояли неподвижно. Радость победы изображалась на их лицах вместе с ужасом: они купили ее смертью славнейших московских витязей. Народ и чиновники! Многие новгородцы погибли славно: радуйтесь! Некоторые спаслись бегством: презирайте малодушных! Мы живы, но не стыдимся! Считите знаменитых граждан: их осталось менее половины, все они легли вокруг

хоругви отечества. Сочтите нас! сказал начальник дружины великодушных, из семи сот чужеземных братьев новгородских видите третью часть: все они легли вокруг Мирослава.

Убиты ли сыны мои? спросила Марфа с нетерпением. Оба, отвечивал Александр Знаменитый¹ с горестию. Хвала небу! сказала посадница. Отцы и матери новгородские! Теперь я могу утешать вас!.. Но прежде, о народ! будь строгим, неумолимым судиею и реши судьбу мою! Унылое молчание царствует на Великой площади; я вижу знаки отчаяния на многих лицах. Может быть, граждане сожалеют о том, что они не упали на колена пред Иоанном, когда Холмский объявил нам волю его властвовать в Новгороде; может быть, тайно обвиняют меня, что я хотела оживить в сердцах гордость народную!.. Пусть говорят враги мои, и если они докажут, что сердца новгородские не отвечают моему сердцу, что любовь к свободе есть преступление для гражданки вольного отечества, то я не буду оправдываться, ибо славлюсь моею виною и с радостию кладу голову свою на плаху. Пошлите ее в дар Иоанну и смело требуйте его милости!..

Нет, нет! воскликнул народ в живейшем усердии. Мы хотим умереть с тобою! Где враги твои? Где друзья Иоанновы? Пусть говорят они: мы пошлем их головы к князю московскому! Отцы, которые лишились детей в битве шелонской, тронутые великодушием Марфы, целовали одежду ее и говорили: Прости нам! мы плакали!.. Слезы текли из глаз Марфы. Народ! сказала она. С такою душою ты еще не побежден Иоанном! Нет величия без опасностей и бедствия: небо искушает ими любимцев своих. Бывали тучи над великим градом, но отцы наши не опускали мечей, и мы родились свободными.

Издревле счастье воинское славится превратностию. Новгород видал тела полководцев на лобном месте, видал надменного врага пред стонами своими: кто ж входил в них донныне? одни друзья его. Народ великодушный! Будь тверд и спокоен! Еще не все погибло! Борецкая жива и говорит с тобою! Когда железные ступени престанут звучать под ногами моими, когда взор твой в час решительный напрасно будет искать меня на Вадимовом месте, когда в глубокую ночь погаснет лампада в моем высоком тереме и не будет уже для тебя знаком, что Марфа при свете ее мыслит о благе Новаграда, тогда, тогда скажи: Все погибло!.. Теперь, друзья сограждане! воздадим последнюю честь вождю Мирославу и витязю Михаилу! Чиновники ваши пекутся о безопасности града. Она дала знак рукою, и колесница тронулась. Чиновники и народ проводили ее до Софийского храма. Феофил с духовенством встретил их. Степенный посадник и тысяцкий положили тела во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто не мыслил успокоиться в великом граде. Чиновники поставили стражу и заключились в доме Ярослава для совета с Марфою. Граждане толпились на стогнах и боялись войти в дома свои боялись

вопли жен и матерей отчаянных. Утомленные воины не хотели отдохновения, стояли пред Вадимовым местом, облокотясь на щиты свои, и говорили: Побежденные не отдыхают! Ксения молилась над телом Мирослава. На заре утренней раздалось святое пение в Софийском храме. Гробы витязей были открыты. Марфа, Ксения, старец, родитель Михайлов, и воины с окровавленными знаменами окружали их. Горесть изображалась на лицах, никто не дерзал стенать и плакать. Иосиф Делинский именем Новаграда положил во гробы хартию славы!..2 Их опустили в землю под веянием хоругви отечества. Посадница стала на могилу; она держала в руке цветы и говорила: Честь и слава храбрым! Стыд и поношение робким!